

Н. Е. Волков

ДВОР
РУССКИХ ИМПЕРАТОРОВ
в его прошлом и настоящем

Николай Волков

**Двор русских императоров
в его прошлом и настоящем**

Издательство «Кучково поле»

1900

Волков Н. Е.

Двор русских императоров в его прошлом и настоящем /
Н. Е. Волков — Издательство «Кучково поле», 1900

ISBN 978-5-9950-0293-2

Книга русского историка Николая Егоровича Волкова составлена на основе уникального справочного материала, который относится к такой малоисследованной области русского быта, как придворная жизнь, история русских придворных чинов от Петра I до 1882 г. Автор показывает, что процесс формирования государственного уклада начался не по воле отдельных лиц, самодержцев российских, а в силу причин географических, которые требовали от России централизации. Этот исторический закон применяется и к русским придворным штатам, ко всему блеску дворянского обряда, который окружал внешней торжественностью престолы самодержцев всероссийских и увеличивался по мере укрепления власти самодержца. Книга является ценным справочным пособием для историков, а также будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся историей монархии в России.

ISBN 978-5-9950-0293-2

© Волков Н. Е., 1900

© Издательство «Кучково поле», 1900

Содержание

Вступление	5
Часть первая	9
Глава I	9
Глава II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Николай Егорович Волков

Двор русских императоров в его прошлом и настоящем

*Где существуют истории родов, городов и учреждений, – там
возможны общие истории.*

К. Н. Бестужев-Рюмин

Вступление

Настоящая книга не может быть названа в строгом смысле слова историческим исследованием. Она есть лишь свод в одно целое материала, разбросанного по разнообразным сочинениям и главным образом находящегося в архивах и увидавшего впервые ныне свет¹. Материал, здесь предлагаемый, может служить как для случайных, чисто деловых справок, так и для историка, который задумал бы проникнуть в неисследованную еще сторону русского быта, выразившегося в придворной жизни. Допетровская эпоха имеет уже своего историка с этой стороны быта в почтенных трудах И. Е. Забелина. Новый период нашей жизни от реформ Петра еще ждет своего талантливого исследователя.

Не принимая на себя этой многотрудной обязанности, составитель настоящей книги считает, однако, своим долгом изложить здесь те основания, которые подвигнули его на настоящий труд.

В исторических явлениях жизни того или другого народа не может быть явлений искусственных или случайных. Как бы ни казалось иное явление маловажным на поверхностный взгляд досужего праздномысла, но оно непременно стоит в причинной связи со всей исторической жизнью народа и происходит лишь потому, что эта жизнь вызывает его необходимость. Если же необходимости той не настает и явление происходит вследствие временного произвола отдельного лица, то оно, будучи случайным и искусственным, бывает и недолговечным.

Этот исторический закон всецело применяется к русским придворным штатам, ко всему тому блеску дворского обряда, который окружает внешней торжественностью престолы самодержцев всероссийских, растет по мере увеличения и укрепления власти самодержца. Если бы утверждение этих штатов составляло лишь произволение царя, а не вызывалось исторической необходимостью, то не были бы они столь долговечны и давно свершили бы череду служения своего, как совершила ее опричнина, учрежденная личным произволением Иоанна IV и им же, сравнительно скоро, уничтоженная.

Не в таких условиях находятся придворные чины. Их необходимость вытекает из развития царской власти и из народного духа. Поэтому книга эта имеет значение более серьезное, нежели простой справочный перечень, а высказанная выше мысль требует некоторого развития изъяснения в настоящем вступлении.

Повсеместно наблюдалось, что при упорядочении и централизации верховной власти представитель ее окружается блеском, неведомым его предшественникам. Обращаясь к глубокой древности, мы находим предание о мидийском царе Дейоке, который, удалившись в построенный на возвышенности дворец, окружил себя блеском, незнакомым его предшественникам, и хотя не он первый был владыкой Мидии, но при нем власть определилась и вложилась в определенные формы. И повсюду увеличение царского могущества связано с увеличением придворного блеска. Примеры Навуходоносора, Соломона, Александра Македонского, императоров Рима и Византии, Великого Карла, Генриха VIII Английского, Людовика XIV Фран-

пузского, наших Иоанна III и IV свидетельствуют об одном и том же. При этом наблюдалось, что многие монархи, окруженные необыкновенным блеском двора, в личной жизни держались простоты столь же необыкновенной и что блеск этот был вызван не индивидуальной потребностью монарха, как отдельного лица, а потребностями его священного сана, влекущего за собой те видимые атрибуты и обстановку власти, при которых наиболее ярко и рельефно выступало и внедрялось в народе сознание о важности этой власти.

Переходя собственно к России, мы наблюдаем, что «развитие московского единодержавия в сущности есть развитие народного единства»². Самый ход российской истории доказывает справедливость этой мысли. Обширная равнина, составляющая Русскую землю, самым географическим своим положением, не ставя естественных непреодолимых преград к сношениям и слиянию племен, ее населявших, не давала повода к развитию в отдельных племенах общей славянской семьи таких форм общежития и государственного строя, которые положили бы резкую грань между обычаями и требованиями ближайших соседей. Вся эта обширная земля, до той исторической эры, с которой начинает существовать Русское государство, управлялась родовым началом: отец был неограниченным владыкой в семье, родоначальник, или старший в роде, был главой рода. Этот строй мог существовать в «обильной и великой земле» лишь до той поры, пока развитие гражданственности и создание более обширных центров общежития, городов, не потребовали создания такой власти, которая дала бы «порядок» земле. Искали ли точно у соседей-варягов представителя этого порядка или призвание князей не было облечено в форму обращения к иноземцам и не имело того определенного характера, который придает ему летописец, это вопросы, чуждые настоящему предмету. Для нас важно, что в известную пору (во второй половине IX века христианской эры) на Руси стал князь, распорядитель ее судеб, родоначальник русского самодержавия. Князья с самых первых шагов образования Русского государства вносят в жизнь иное начало: начало сословное, взамен начала родового. «Князь, – говорит Соловьев, – думал о строе земском, о ратях, об уставе земском; вождь на войне, он был судьей во время мира, он наказывал преступников, его двор – место суда, его слуги – исполнители судебных приговоров»³. Ближайшими сотрудниками князя, ближайшими его слугами, его посадниками были люди его дружины. Дружина эта составляла несомненно высшее сословие в государстве, и принадлежать к ней – значило быть близким к князю и к управлению государством. Но это высшее сословие не было сословием замкнутым, наоборот, оно было открыто снизу, и личные способности, равно как пригодность для целей князя того или другого лица, давали ему доступ в дружину. Таким же открытым снизу, служилым сословием осталось и до наших дней русское дворянство.

В первые времена русской исторической жизни стремление к созданию у себя на Руси власти, подобной царской власти византийских императоров, особенно заметно. Стремление это объясняется походами воинскими и торговыми поездками русских в Царьград. Там наследник цезарей являлся перед ними в силе и блеске необычайной власти, и для обитателя России слово «царь» выражало цезаря нового Рима, как для древнего грека слово «Βασιλευς» означало владыку Персии, а не какого-либо иного единовластителя. Понятие об этом «царе» было понятием о царе-самодержце. Естественным было желание перенести в родную землю уклад государственной жизни той страны, которая дала нам и свет истинной веры, и первые основы цивилизации. Однако родовое начало, царившее в России до избрания князя, не могло быть искоренено сразу. Оно вызвало систему удельно-вечевую, и хотя указанное нами стремление уподобить свой государственный строй византийскому и продолжает оставаться в силе и великий князь Владимир Всеволодович вместе с царскими регалиями, царским венчанием и именем «Мономаха» приемлет от деда своего, греческого императора, заветы Византии, но дробление земли на уделы, усобицы родичей-князей, бессилие их пред полчищами Батыя, монгольское иго – все это отдаляет заветную мечту объединения Русской земли на многие и многие лета.

Только когда из пепла татарского погрома и семейственных княжеских неурядиц выросла юная Москва и владыка ее Иоанн III Васильевич принял руку княжны греческого Императорского Дома, только тогда Россия вступила на истинный путь централизации. Только тогда она вполне сознала истину, так прекрасно выраженную словами Карамзина, что «порядок есть душа держав, а нет порядка без власти самодержавной». Но Иоанн III, именовавшийся иногда царем, не носил еще официально этого титула, и Иоанн IV, венчанный на царство 16 января 1547 года, только в 1561 году соборной грамотой духовенства Православной восточной церкви, с вселенским патриархом Иоасафом во главе, утвержден в царском сане, по родству его с угасшими родами византийских императоров и по происхождению от великого князя Владимира Всеволодовича, называемого Мономахом по воле и в память императора, доведившегося ему дедом.

Софья Палеолог принесла державному супругу своему, великому князю Иоанну III, не только предания и заветы царской власти, но и обычаи царского двора. Одно было неразрывно связанным с другим, и «народ», по словам Забелина⁴, уверовавший в высокое призвание царя, благоговейно чтит и все знаки Его Величия. Но в допетровской Руси придворные царя, бояре, тщились быть не только верными слугами и исполнителями царской воли, но и принимать участие в делах государственного управления. Их родовые счеты (остатки прежнего родового начала) заставили Иоанна IV испытать неудачное учреждение опричнины, неудачное лишь потому, что этот пылкий Государь внес в новое учреждение, долженствовавшее нанести чуждым русскому духу олигархическим стремлениям боярства решительный удар, слишком много личной страстности, обратившей великий по замыслу план в общественную язву. Своим местничеством бояре выдвигали, силой, вперед свои родовые стремления, но власть царя, даже за прекращением династии Рюрика, крепла в смутные дни. Крепла и в лице прищельца Годунова, и при его неведомом преемнике, и несмотря на слабость Василия Шуйского и на беды междоусобицы.

Она во всей своей силе передалась Михаилу Романову, родичу по женщинам Рюриковичам, как и эти последние были родичами, тоже по женщинам, владыкам Византии. При Романовых местничество и олигархические стремления бояр не могли долго существовать, и царь Федор Алексеевич сильно облегчил трудную задачу укрепления России своему великому брату сожжением разрядных книг.

При Петре Великом Россия начинает, наконец, отливаться в ту могущественную форму великого государственного здания, основанием которого служит русский народ, венцом самодержец всероссийский, а столпами, поддерживающими это здание в духовном смысле, – православие, в гражданском – дворянство. Но дворянство от времени Петра уже не имеет значения прежнего боярства. Самая этимология этого слова, служащего синонимом «придворного», указывает, что дворянин утверждается в своем значении ближайшей службой царю.

Этот государственный уклад совершился не по воле отдельных лиц, самодержцев всероссийских, а в силу причин географических, влекших обширную равнину России к централизации, в силу причин духовных, заставлявших в строе дворцовой жизни уподобляться Византии, стране, озарившей Россию светом православия, и в силу причин исторических, т. е. отсутствия в России коренной аристократии и необыкновенного стремления русского народа к движению вперед и к возвышению отдельных лиц не путем родовых счетов, а сословных преуспеваний, основанных на личных заслугах.

Из сказанного становится понятным, что русское дворянство, будучи сословием открытым снизу и открытым всякому, кто успехами личной службы Государю сумет достигнуть доступа в это высшее сословие, главным образом стоит в связи с двором Государя.

Поэтому «История придворных чинов», для которой может служить материалом настоящий сборник, составляет несомненную часть истории русского народного быта, а следовательно, и истории России.

В этом кратком обзоре невозможно было предложить почти ничего, кроме группировки доселе разрозненных материалов, но предмет исследования не теряет от того своей важности и своего интереса. История русских придворных чинов от времени Петра Великого тесно связана с историей России и ее государей. Необходимо напомнить, что большинство государственных деятелей России принадлежали, особенно в прошлом веке, к лицам придворным, что уклад придворной жизни неизбежно отзывался на складе жизни резиденции русских монархов, а отсюда и на быте всей родины нашей. Поэтому исследование придворной жизни должно быть интересно для всякого, кто в истории своего отечества ищет не перечня голых фактов, а и понимания тех или других явлений.

Так, например, история XVIII века, с ее внезапными переворотами и влиянием временщиков на ход событий, может быть правильно изучена лишь при подробном исследовании придворной жизни, имевшей необыкновенную роль во всех этих переменах, касающихся особ, занимавших императорский российский престол.

Часть первая Исторический обзор

Глава I

Реформа Петра Великого. – Табель о рангах. – Первый придворный штат императора Петра II. – Второй придворный штат императрицы Анны Иоанновны. – Регламентация придворных чинов. – Упорядочение дворского уклада при императрице Елизавете Петровне. – Двор императрицы Екатерины Великой. – Двор при императоре Павле I

Учреждение разных придворных чинов и должностей при Российском Императорском Дворе последовало вскоре за принятием императорского титула Петром I (в октябре 1721 года), но весь XVIII век прошел, не дав придворным чинам стройной регламентации. Лишь в текущем столетии они достигают ее. В истекшем же веке отдельные распоряжения о придворных чинах, вызываемые требованиями необходимости данной минуты, не приводились в точное соответствие с предыдущими распоряжениями по тому же поводу. Поэтому сведения, скудные за один период времени, обширны за другой такой же период. Здесь будет изложено то, что дают сохранившиеся исторические документы и другие данные.

Ранее чем приступить к историческому исследованию придворных штатов, необходимо принять во внимание – как неподлежащую спору истину, – что если необходимость придворного блеска и устройства двора были признаваемы и в допетровскую эпоху и, примененные на деле, окружили двор московских царей пышностью древней Византии, т. е. если придворные чины в принципе своего учреждения и не были новостью для Императорского Двора, то, с другой стороны, внешние формы придворных штатов были заимствованы с Запада. Оттуда Великий Петр перенес многое, перенес и дворский уклад. Ошибочно, впрочем, было бы думать, что великий преобразователь России обратился к Западу по внезапно возникшему, чисто личному влечению. История не знает таких неожиданностей. Петр блестяще исполнил свою историческую задачу и проявил силы необычайного гения, сумевшего в краткий срок недолгой жизни, в течение каких-нибудь тридцати шести лет царствования, совершить то, на что людям, менее его одаренным, потребовались бы сотни лет, под руководством многих лиц, но Петр следовал лишь тому движению к Западу, которое зародилось ранее его. Уже в XI веке мы видим, что Ярослав Мудрый женится на дочери шведского короля Олафа – Ингигерде, во св. крещении Ирине, он выдает свою сестру за польского короля Казимира; один из его сыновей, Всеволод, женится на дочери византийского императора Константина Мономаха; другой, Вячеслав, на графине Стад¹, а третий, Игорь, на Гунегунде², графине Орламюнде. Его старшая дочь Елизавета выходит замуж за норвежского короля Гарольда, третья, Анастасия, за короля Андрея I Венгерского, а в 1048 году дочь его Анна выходит замуж за французского короля Генриха I. Иоанн IV выражает явное стремление к западной цивилизации и старается посредством брака на английской принцессе войти в союз с Великобританией. Борис Годунов широко открывает двери дворца своего посланцам западных государей и двери теремов брачному искательству датского королевича. При дворе царя Алексея Михайловича западное просвещение имеет свободный доступ. Ближайший боярин царя Артемий Семенович Матвеев покровительствует иностранцам и вправе зваться одним из первых западников в России. Дочь царя, впоследствии

¹ То есть Штаденской (прим. ред.).

² Кунигунде (прим. ред.).

правительница Софья Алексеевна, прикладывает руки к переводу мольеровской комедии, и «Врач поневоле» находит место на подмостках придворного театра, по доброй воле царской семьи. Не чужд был западных веяний и третий царь из Фамилии Романовых – Федор. Сын Алексея, брат Софьи и Феодора, гениальный Петр дерзнул во всех областях общественной, государственной и придворной жизни совершить то, что без него совершилось бы медленно.

Сводя общее положение это к частному вопросу, нас занимающему, должно признать, что учреждение придворных чинов по западным образцам было не только делом личного произволения Петра, а и естественным последствием развития русской жизни. Придворные чины носят у нас названия немецкие по преимуществу, но на учреждение их, несомненно, имел влияние и строй французского двора, который Петр Великий мог наблюдать в свое посещение французского королевства в 1717 году.

В Табели о рангах³, обнародованной 24 января 1722 года, определены подробно все придворные чины и должности. Рассматривая даже поверхностно названия этих чинов, легко усмотреть, что многие из них вовсе никогда не были жалованы, и даже определить, в чем состояли их обязанности, не представляется в настоящее время возможным. Мы не имеем именных списков придворных чинов времени Петра Великого и Екатерины I. Имена только некоторых из этих лиц сделались достоянием истории. Известно, что Виллим Монс⁵ был одним из первых камер-юнкеров, назначенных к Государыне, вскоре после публичного объявления (7 марта 1711 года) Петром I о Государыне царице Екатерине Алексеевне, «что она есть истинная Государыня»⁶. Служебные обязанности камер-юнкера не были точно определены, в руках его сосредоточивались дела по управлению сел и деревень, состоящих за Государыней; управляющие и приказчики, а также игумены тех обителей, которые находились под особым покровительством царицы, в скором времени стали присылать ему отчет по имениям, по монастырям, сметы доходов и расходов. У него просили доклада о тех и других распорядках перед Государыней. Ему поручались принятие на службу в ведомство Государыни разных лиц, суд и расправа не только над ними, но даже разбор дразгов между монахинями и настоятельницами царицыных пустошей, назначение жалованья, чиновников и служителей Государыни.

На Монсе лежало устройство празднеств и гуляний, до которых такая охотница была Екатерина Алексеевна; он должен был вести корреспонденцию с заграничными поставщиками товаров, ведаться с портными и портнихами Государыни, сопровождал ее за границу, хлопотал во всех ее переездах об удобствах в пути и при остановках по городам⁷.

По тем Высочайшим повелениям и другим документам, которые дошли до нас за время царствования Петра I, можно судить, что все придворные чины состояли при императрице, а не при императоре. Двор супруги преобразователя России, по свидетельству современников, не уступал в блеске и величии германским дворам той эпохи, двор же самого Петра отличался необыкновенной простотой. Император довольствовался услугами нескольких денщиков, и доступ к занятию этой скромной, но близкой к царю должности открывался не знатностью рода, а главным образом личными свойствами, обратившими на себя внимание Государя. Что касается до порядка пожалования придворными чинами при Петре I и Екатерине I, то имеется некоторая вероятность предполагать, что пожалование производилось вследствие подачи челобитных (которые в это время подавались и о пожаловании имений и чинов). Так, в 1724 году баронесса Мария Строганова⁸ подала Петру Великому прошение об определении сына ее ко двору. На прошении этом имеется пометка императора: «Дается чин большому сыну камер-юнкера»⁹. Таким же образом, по прошению, был определен в обер-гофмейстеры в 1722 году Матвей Олсуфьев¹⁰ с выдачей ему патента. Даже позднее, а именно при Анне Иоанновне, пожалование производилось вследствие прошений: сын герцога Курляндского Бирона Карл

³ См. часть II, I наст. труда.

Эрнест¹¹ был пожалован, имея от роду 8 лет и 8 месяцев, по письменной просьбе в камергеры. На просьбе этой императрица собственноручно начертала: «Учинить по сему. Анна».

Император Петр II в самый день вступления своего на престол, а именно 6 мая 1727 года, пожаловал тринадцатилетнего сына светлейшего князя Меншикова Александра¹² в обер-камергеры, и в конце того же месяца назначил к обрученной невесте своей княжне Марии Александровне Меншиковой обер-гофмейстерину Арсеньеву¹³, гофмейстера Арсеньева¹⁴ и камергера князя Алексея Голицына¹⁵. Первый придворный штат был составлен гораздо позже. Еще при жизни императрицы Екатерины I действительный хозяин Русского государства и главный распорядитель по двору светлейший князь Александр Данилович Меншиков стоял за составление придворного штата, что видно из переписки его с Главной дворцовой канцелярией¹⁶ (Придворной конторы еще не существовало), но ему не удалось окончить начатое дело, и лишь 14 декабря 1727 года, по представлению Остермана¹⁷, утвержден был молодым императором Петром II первый придворный штат¹⁸. По штату этом назначены были гофмейстером князь Алексей Долгоруков¹⁹, с жалованьем в 3000 руб.; восемь камергеров: Степан Лопухин²⁰, князь Сергей Долгоруков²¹, князь Сергей Голицын²², граф Михаил Головкин²³, князь Иван Долгоруков²⁴, Петр Балк²⁵, граф Петр Сапега²⁶ и граф Карл фон Левенвольде²⁷, с жалованьем по 1396 руб. 20 коп. в год каждому, и семь камер-юнкеров: Василий Пospelов²⁸, Федот Каменский²⁹, Федор Лопухин³⁰, Василий Стрешнев³¹, князь Борис Юсупов³², граф Федор Апраксин³³ и князь Никита Трубецкой³⁴, с жалованьем по 518 руб. 55 коп. в год каждому. Бывшим еще при императрице Екатерине I гофмаршалу Дмитрию Шепелеву³⁵ и шталмейстеру Родиону Кошелеву³⁶ в том же штате назначено жалованье по 1396 руб. 20 коп. в год каждому.

В том же декабре 1727 года был образован придворный штат и для горячо любимой Петром II сестры его, великой княжны Натальи Алексеевны. Штат этот состоял из одного камергера князя Сергея Голицына³⁷, с жалованьем в 600 руб., четырех камер-юнкеров: Петра Вольфа³⁸, Николая Стрешнева³⁹, Петра Стрешнева⁴⁰ и Василия Лопухина⁴¹, с жалованьем в 400 руб. каждому, и двух гоф-юнкеров, с жалованьем по 300 руб. в год каждому.

В царствование императора Петра II замечается вообще некоторое стремление возвратиться к московским преданиям, и потому неудивительно, что в придворный штат поступают главным образом члены знатных Фамилий. На первый взгляд странно не встретить в списке придворных чинов Фамилии Нарышкиных, которые по родству своему с царицей Натальей Кирилловной, матерью Петра Великого, более, чем кто-нибудь, имели право на близость к особе Государя. Такой несправедливый пробел объясняется могуществом Долгоруких при Петре II, старавшихся отстранить родственников царских от близости с ним, а после смерти Петра II и падения Долгоруких, в царствование императрицы Анны, Нарышкины, родственники Петра Алексеевича, не могли вовсе рассчитывать на положение при дворе дочери Ивана Алексеевича, которая приблизила ко двору родственников своей матери Салтыковых. Императрица Елизавета исправила эту несправедливость, и от ее времени до наших дней Нарышкины всегда занимали высшие придворные должности.

Императрица Анна через год по вступлении своем на престол, в апреле 1731 года утвердила придворным всем чинам штат, и в указе, данном Сенату⁴², определено жалованье придворным чинам, причем число камергеров и камер-юнкеров оставалось то же, что и при императоре Петре II, и размер жалованья сохранен тот же. Обер-камергером был назначен Эрнест Бирон⁴³, обер-гофмейстером Семен Салтыков⁴⁴, обер-гофмаршалом граф Рейнгольд фон Левенвольде⁴⁵, и обер-шталмейстером граф Карл фон Левенвольде⁴⁶.

В первый год вступления своего на престол, а именно в 1730 году, императрица Анна Иоанновна положила основание регламентации придворных чинов. Они были подчинены обер-гофмейстеру. Ему, обер-гофмаршалу и гофмаршалу даны были подробные инструкции. Инструкции эти представляют большой исторический интерес⁴⁷. Из них особенно необходимо упомянуть об инструкции обер-гофмейстеру. «Понеже, – говорит инструкция, – Ее Императорское Величество по примеру других благоучрежденных дворов всемилостивейше заблагоизобрела и при своем Императорском Дворе обер-гофмейстера учредить». Пример западных дворов, желание подражать им, желание иметь штаты придворных как учреждение, а не как случайное собрание людей, милостью царской приближенных к престолу, – вот причина начатой императрицей регламентации придворного штата. Желание это объясняется тем значением, которое придается придворным чинам. Если на деле времена Бирона, обратившиеся в унижительное положение потомков Рюрика и Гедимины, и не оправдали предначертаний императрицы, то это не лишает инструкцию, ею данную, того этического значения, которое возвышает смысл придворного уклада. Избрав в обер-гофмейстеры Семена Салтыкова, императрица в инструкции так мотивирует этот выбор: «К тому (к занятию должности обер-гофмейстера) такая персона требуется, которая б не только доброго жития и поступка была, довольное знание и искусство, но и знатность и респект имела: верен, секретен и истинен; и такого христианского жития и поступка был, чтоб он паче своим собственным примером нежели наказанием ему подчиненных и протчих придворных служителей, основание полагал». Для цели настоящего изыскания совершенно неважно, в какой мере Салтыков соответствовал своему назначению и точно ли имел он те высокие нравственные качества, которых Государыня требовала от своего обер-гофмейстера. Важно то, что от начальника придворных требовались: верность, умение хранить тайны, правдивость и христианская нравственность столь высокая, чтобы уже один пример его мог служить для подчиненных ему лиц руководством. Полномочия обер-гофмейстера были весьма обширны. Для исполнения своей обязанности он всегда имел доступ к особе Ее Величества, он приводил к присяге пожалованных придворных чинов, он управлял Дворцовой канцелярией, был главным смотрителем дворцовых здания и церквей, вел все дворцовые счета и ревизовал счета подведомственных ему лиц и учреждений, он же заведывал аудиенциями иноземцев у Ее Величества. Он же в маловажных делах о проступках дворцовых служителей вершил правосудие, а более важные отсылал в Юстиц-коллегию. Императрицей же Анной установлена форма присяги придворных чинов⁴⁸. Главным элементом присяги является соблюдение тайны относительно вверенных по должности или в силу должности ставших известными присягающему придворных обстоятельств*. Императрица, видимо, требовала неослабной службы от придворных чинов, так как в ее царствование состоялось повеление о вычете из жалованья тех придворных чинов, которые возьмут отпуск более шести недель⁴⁹.

В ее же царствование был установлен порядок старшинства придворных чинов между собой. Причем первые чины двора, коим присвоен по табели о рангах второй класс, при равенстве чинов с военными сухопутными, морскими и гражданскими чинами берут место по старшинству пожалования каждого в чин. Вторые чины двора, или имеющие придворные звания, коим присвоен третий класс, уступают место военным, но занимают оное выше гражданских чиновников, независимо от старшинства⁵⁰.

При малолетнем императоре Иоанне Антоновиче камергеры остались те же⁵¹; двое камер-юнкеров были назначены к матери Государя, правительнице Анне Леопольдовне. Нам известно имя только одного из них – барон Эрнеста фон Менгдена⁵²; в штате 1741 года обозначено лишь их число. Точно так же ничего не известно о личности некоего Шелио, назначенного камер-юнкером при особе отца государева, герцога Антона-Ульриха Брауншвейг-Люнебургского. В царствование Иоанна Антоновича цесаревна, впоследствии императрица Елизавета

Петровна, содержала на свои средства собственный двор. При ее особе состояли два камергера и семь камер-юнкеров. Первые получали жалованье по 800 руб., а вторые 600 руб., и жалованье это шло из конторы Ее Высочества.

Императрица Елизавета продолжала начатое императрицей Анной упорядочение придворных штатов. Так, между прочим, с ее времени, а именно с 1742 года, начинается пожалование в придворные чины указами, ранее же того придворные назначались на основании расписаний, утвержденных императрицей. Императрица Елизавета кроме камергеров и камер-юнкеров собственного двора учредила еще те же должности и при дворе прибывшего в Россию наследника престола, племянника императрицы Его Высочества герцога Шлезвиг-Гольштинского, впоследствии императора Петра III. К его особе указом Сенату от 20 марта 1742 года назначены гофмаршалом Семен Нарышкин⁵³, с жалованьем в 1500 руб., пять камергеров, с жалованьем по 1000 руб., и пять камер-юнкеров с жалованьем по 800 руб. Ранг гоф-маршала при наследнике уравнивается с рангом камергеров Императорского Двора, камергеры уравниваются с камер-юнкерами Императорского Двора, а камер-юнкерам наследника определен ранг полковника. Этот вопрос об установлении ранга придворных чинов, равно как о жалованье, ими получаемом, и о совмещении придворных должностей с другими должностями, найдет свое место ниже. Вопросы эти довольно долго не имели определенного решения и, так сказать, колебались. Императрица Елизавета желала упорядочить и поведение придворных чинов, не соответствовавшее, видимо, своим легкомыслием тому высокому значению, какое придавалось им Высочайшей властью. В числе разных мероприятий, направленных к этой цели, заслуживает внимания указ⁵⁴ императрицы Елизаветы, который нашла нужным возобновить и Екатерина II, гласящий, что во время богослужения в придворной церкви «ежели кто какого бы чина и достоинства ни был, будет с кем разговаривать, на тех надевать цепи с ящиками, которые для того нарочно заказать сделать вновь: для знатных чинов медные вызолоченные, а для посредственных белые луженые, а для прочих чинов простые железные».

Также императрица воспретила употреблять табак в церкви во время богослужения⁵⁵, и входила в обсуждение того, чтобы внешние прерогативы придворных не были самовольно присваиваемы себе другими лицами. К этой категории распоряжений относится указ, запрещающий езду под белыми попонами не придворным*.

Императрица Екатерина II, при которой придворный блеск достиг своего апогея, немедленно по вступлении на престол, а именно 15 августа 1762 года, определила чины, жалованье и обязанности камергеров и камер-юнкеров*. Камергеры Екатерины II имеют чин генерал-майора, золотой ключ, жалуемый Ее Императорским Величеством, жалованье по 1500 руб. в год. Они дежурят при Государыне по сколько указано будет. Во время коронации и в прочие церемониальные дни несут шлейф императорской мантии, и в церемониальных столах, когда Ее Величество кушать изволят на троне, кавалеры стоят внизу у трона до тех пор, пока Ее Величество изволит пить просить, а дежурные кавалеры служат во весь стол: старший разрезывает, а младший за креслами Ее Величества. Когда же бывает публичный выход, то придворные кавалеры едут верхами. Камер-юнкеры имеют при Екатерине II чин бригадира (V класса), получают жалованья по 1000 руб. в год, дежурят при Ее Величестве на сколько указано будет. Императрица Екатерина требует от камергеров и камер-юнкеров неотлучного пребывания при дворе своем. Число придворных чинов, столь скромное при императрице Елизавете, начинает возрастать при Великой Екатерине. Оно увеличивается ежегодным пожалованием. За время с 1762 по 1796 год пожаловано камергерами 103 человека и камер-юнкерами 123 человека.

До 1775 года денежное содержание камергерам и камер-юнкерам (жалованье) назначалось по числу лиц последнего штата, но в этом году, а именно 28 июня, обер-камергер князь Голицын⁵⁶ объявил Высочайшее повеление⁵⁷: жалованье производить только старшим

12 камергерам и 12 камер-юнкерам, налицо и в действительной должности находящимся и дежурство исправляющим.

В последнем списке царствования императрицы Екатерины Великой, напечатанном в придворном месяцеслове 1796 года, показано: действительных камергеров, кои при дворе Ее Императорского Величества по званию своему должность исполняют – 26 человек; камер-юнкеров, кои при дворе Ее Императорского Величества по званию своему должность исполняют – 27 человек. В камергеры жаловали почти всегда из камер-юнкеров, а в число этих последних входили молодые люди из знатных родов и преимущественно из гвардии⁵⁸. Из упомянутого числа 123 камер-юнкеров 111 были военные. При таком порядке пожалования случилось, что многие военные, получая придворное жалованье, не исправляли дежурств, не имея времени по своим прямым обязанностям в полку; это вызвало в 1765 году распоряжение⁵⁹, по которому повелено таковым производить жалованье по месту их служения от полков, в которых они несли действительную службу.

Император Павел I, вступив на престол, также не замедлил заняться придворными штатами, и уже 30 декабря 1796 года утвердил новый штат: камергеров и камер-юнкеров положено было по 12 человек*. Всего же за время Павла I пожаловано было камергеров – 58 человек, в камер-юнкеры во все царствование не

пожаловано ни одного человека. При дворе не состояло ни одного камергера из пожалованных покойной императрицей. Павел I создал строгие правила для камергеров. Он не позволял им отлучаться ночевать за город без Высочайшего на то разрешения⁶⁰. 16 июля 1800 года последовало Высочайшее повеление⁶¹ о немедленном выезде всех придворных кавалеров в Петербург из Царского Села, и впредь не дозволено им и на дежурство являться в загородные места без особого на то Высочайшего повеления. Сохранилась даже собственноручная записка императора «уведомить, когда кавалеры выедут». В тот же день, 16 июля 1800 года, Высочайше было повелено отправить всех камергеров, кроме Нарышкина, Демидова 2-го, Балка-Полева и графа де Санти, в Герольдию для определения по местам⁶². Гнев императора продолжался недолго, и в течение ноября и декабря 1800 года десять человек из отосланных были снова приняты ко двору. Император Павел вообще требовал от придворных чинов настоящей службы, а не ношения лишь придворного звания. К дежурству камергеров он относился весьма строго, и 18 июня 1799 года даже повелел делать вычеты у камергеров из жалованья за время их болезни⁶³. Дежурства при дворе были постоянные: обыкновенно дежурили ежедневно два камергера, и в редких случаях четыре⁶⁴. Пожалованные в тайные советники освобождались от дежурства⁶⁵. Камергеры получали жалованье, установленное еще императрицей Елизаветой Петровной, т. е. 1500 руб. в год. Деньги на жалованье камергеров поступали в распоряжение обер-камергера, который и выдавал им по третям года.

С царствованием императора Павла I заканчивается XVIII век. В этом веке, под влиянием петровской реформы, мы стали подражать Западу, и по принятии Петром императорского титула дворский обиход стал строиться по образцу западных дворов, но намерения Государей не всегда приводились ими систематично в исполнение. При всех царствованиях есть придворные штаты, представители которых принимали немалое участие в исторических судьбах нашего Отечества, но штаты эти не были строго регламентированы, хотя к этой регламентации и принимались меры. Резюмировать стремление Государей в этом деле можно такими словами: от придворных чинов требуется не только внешний блеск, но и нравственные высокие качества, требуется не только ношение звания, но и действительная служба; находясь близко к трону, придворные должны быть достойны высокого своего положения. Тем не менее, начиная от расписания штатов придворных чинов до их костюма и прерогатив, – все в XVIII веке

неопределенно, как и всякое только что начатое дело. Лишь XIX век упорядочивает придворные штаты.

Глава II

Реформы Александра I. – Окончательная регламентация придворных чинов при императоре Николае I

Век этот открывается царствованием императора Александра I. Молодой император по примеру родителя своего и бабки в первый же год царствования озабочивается утверждением придворного штата, каковой и утвержден 18 декабря 1801 года. По штату положено 12 камергеров, с жалованьем по 1500 руб. в год каждому, и 12 камер-юнкеров без жалованья. Тем же штатом два камергера с тем же жалованьем назначены к великой княжне Марии Павловне, а камер-юнкеров к Ее Императорскому Высочеству не назначено; к великой княжне Екатерине Павловне определено то же количество камергеров. При начале царствования Александра Благословенного все отставленные родителем его камергеры, пожалованные этим званием императрицей Екатериной II, вновь определены, причем предоставлено им прежнее старшинство. Такое Высочайшее распоряжение, очевидно, было вызвано тем глубоким почтением, которым новый Государь окружил память великой своей бабки, указав в манифесте о восшествии своем на прародительский престол на царствование это как на образец, коему подражать считал для себя обязательным. Благородный порыв этот распространился и на восстановление в придворном звании лиц, пожалованных императором Павлом I и им же отставленных. Однако камергеров оказалось более определенного комплекта, а именно 30 человек, включая и 12 комплектных. Обер-камергер граф Шереметев, находясь в затруднении, поверг 15 мая 1801 года⁶⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.